

Любовь Минеева

Королева Лета,
умри

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М61

Иллюстрация на обложке и форзацах
Станиславы Иванкевич (Night Crow)

Минеева, Любовь.

М61 Королева Лета, умри / Любовь Минеева. —
Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Русреал-детектив).

ISBN 978-5-04-235114-3

Во время праздника солнцестояния в деревне Юмаково жестоко убивают Королеву Лета. Студентку, которой уже несколько лет подряд достается роль языческой богини, благословляющей посевы. Ее находят повешенной на школьном крыльце с многочисленными ножевыми ранениями, словно после пыток.

Той же ночью пропадает другая девушка — выпускница школы. Договорившись сбежать в город вместе с парнем после праздника, она так и не появилась на месте встречи.

Люди шепчутся о призраке Плачущей Эльзы и вспоминают страшилку о «девичьем пожаре». Однако местные легенды — во все не выдумка, а ужасающие секреты прошлого, которые могут стоить жизни...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235114-3

© Минеева Л., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Глава 1

Двадцать девять лет назад случился ее исход.

Она вышла из леса, перестав прятаться. Из темного, дремучего леса, где она прожила больше месяца. Дней она не считала, но луна успела дважды округлиться до полноты. Она жила в заброшенной лесничей хижине, питаясь едва созревшими ягодами, рыбой и тощими кроликами, которых удавалось поймать. Она прожила бы там все лето и дольше, но Охотник, который нашел ее, смог убедить, что огненные демоны ушли, бояться больше нечего.

Охотник привел ее в свой аул, она покрылась, приняв ислам, и никогда не снимала платок, если рядом был хоть кто-то чужой. Не из-за истовой веры. Она боялась, что ее найдут и сожгут. Как сожгли всех ее подруг тогда, в страшную ночь солнцестояния. Всех — в одну ночь.

Каждый год воспоминания душат ее, как только приходит время летнего солнцеворота. Бесконечно долгий день, когда нет конца страху и она теряет связь с реальностью, ожидая возвращения страшной ночи. Но приходит благословенное утро, и все снова становится на места. Она идет доить коров, сбивать масло, распекать внуков и язвить невесткам. Шестерых сыновей подарила она своему Охотнику, двое умерли, не прожив и года, двое уеха-

ли в город, и двое остались рядом, построив себе дома по обе стороны от старенькой хибарки родителей. Двор был общим, общей была и «саманка» — летняя кухня, так что внуки и невестки постоянно путались под ногами, но она все равно их любила.

Но зимой ее Охотника не стало, и страх перед огненными демонами скрутил ее, едва наступило время посевных и в местный колхоз приехали сезонные работники. Чем ближе был самый долгий день, тем сильнее опутывал ее страх.

И сегодня это произойдет. Она чувствует запах гари. Демоны вернутся, чтобы забрать отступные паленым мясом. Сегодня случится страшное — и наступят черные времена. Как тогда, когда она в ужасе бежала все глубже в лесной мрак.

— Бабушка Нафиса!

Кто-то зовет ее, настойчиво, умоляюще. Если пойти на голос — вернешься в реальность, может, и страх немного отступит. Но сил идти не было.

— Ол-эсей¹, бабушка Нафиса!

Айсылу, внучка, ее любимица. В голосе — слезы.

— Оставь ты ее, кызым². Каждый год одно и то же, Алла-сакласын³!

Невестка уводит дрожащую девочку с крыльца, и она снова остается дежурить одиноким извоянием, устремив немигающий взгляд в зелень июньских полей. Быть беде.

---

¹ Бабушка (*башк.*).

² Доченька (*башк.*).

³ Да хранит тебя Аллах (*тат.*).

* * *

Дискотека в клубе набирала обороты, девчонки восторженно голосили, едва слышав звуки очередного хита, ребята сбивались в кучки, втихаря посаывая пиво, и даже молодые училки, поставленные наблюдать за порядком, болтали между собой, смеялись и пританцовывали, не особенно обращая внимания на происходящее. И над всем этим праздником жизни царила, разумеется, Таня Япрынцева.

Леня Плетнев стоял отдельно от всех, подпирая стенку и наблюдая за «королевой». Так ее прозвали за роль Королевы лета, которую она уже года три подряд, из праздника в праздник, играла на деревенском фестивале в честь Дня земли. Станный полуязыческий обычай давно уже не смущал жителей Юмаково и для Ленки был в порядке вещей — он здесь родился и вырос. Но вот для Майи, которая переехала сюда меньше года назад, как раз в конце прошлого лета, этот праздник показался дикостью. На самом деле похожие фестивали проходили едва ли не в каждом селе, только назывались иначе — сабантуй¹. Праздновали успешное завершение посевных работ, возможность передохнуть до сенокоса. На таком сабантуе собирались жители со всего района. Выбирали поле поровнее и попросторней, ставили лотки, нарядные юрты, где угощали чаем из самовара и сладким баурсаком²,

---

¹ Сабантуй — древний татарский и башкирский народный праздник, знаменующий окончание весенних полевых работ. Название переводится как «праздник плуга». Праздник включает народные гуляния, песни, танцы.

² Баурсак — традиционное блюдо башкирской кухни, кусочки теста, жаренные во фритюре.

проводили состязания — курэш¹, борьба на поясах, конские скачки, тут же ставили сцену для местных артистов. Гулянье продолжалось целый день, а вечером все разъезжались по домам.

Но Юмаково почему-то стояло особняком, предпочитая устраивать свой фестиваль, назвав его Днем земли и приурочив к летнему солнцестоянию. Все то же самое: и детский ансамбль из местной музыкальной школы со своим неизменным «Танцем пчелок», и пляски парней в костюмах джигитов, и соревнования борцов из юмаковской спортшколы. И конечно, шоу Тани Япрынцевой, короткий спектакль, в ходе которого Таня, в образе языческой богини славянского вида с пышным венком на голове, величественно благословляла будущий урожай, символически представленный связкой искусственных колосьев да горкой пластиковых овощей.

После представления взрослые шли в колхозную столовую на банкет и награждение выдающихся работников, а молодежь — отсыпаться перед дискотеккой.

На которой Таня теперь и отплясывала в кругу своих фрейлин, так и не сняв сценического костюма.

Цветки в венке поникли, а подол красно-белого пышного сарафана запылится. И все равно она приковывала взгляды. Лёне захотелось сплунуть от злости. Он знал, что она специально не сменила одежду, чтобы быть в центре внимания.

---

¹ Курэш — древняя тюркская национальная борьба на поясах (или полотенцах), где соперники стремятся бросить друг друга на спину.

— Танька — красотка, конечно, — бухнул Степа Абрамов, пристраиваясь рядом с другом. — Видал, как извивается? Как стриптизерша у шеста.

— Ничего особенного, — пробормотал Ленька. — Нашлась уж стриптизерша. Ни сиськи, ни письки и жопа с кулачок, — злобно добавил он громче.

Степка загоготал.

Степа — его самый близкий приятель, они учились в одном классе все одиннадцать лет, вместе поступили в ветеринарный колледж в Биишево и уже отсидели там первый из трех курсов. Впрочем, это не было их осознанным выбором — просто деваться особо некуда. Колхоз выделил несколько целевых направлений, им тоже досталось, вот и пришлось идти. Совершенно не туда, куда Леньке на самом деле хотелось.

— У цыганочки твоей, определенно, получше будет, факт!

Это он про Майю.

— Замолкни.

— Бероева-то она снова отшила. Танька. Слыхал? Он к ней и на тачке, и с цветами, а она — ни в какую!

— Не иначе, для тебя себя бережет.

Степка снова засмеялся, но уже натянуто. Подкол засчитан. Это ему за оценку Майиной фигуры, идиоту. Ясное дело, никакая Япрынцева им не светит. Им обоим. Только Степка, как дурак, продолжает надеяться. А Леня решил, что синица в руке — это, в общем-то, лучше, чем ничего.

Что-то опаздывает его синица.

Он отвел взгляд от Япрынцевой и сделал глоток из маленькой бутылки с коллой. Бутылкой угостил

тот же Абрамов, и кола была так щедро разбавлена самогонкой, что у Леньки перехватило дыхание. Напиваться в его планы не входило, но чуть-чуть смелости сегодня точно не помешает.

— Пле-е-етень! — услышал он над ухом и поморщился. Его раздражала эта кличка, состряпанная из фамилии и рифмующаяся с «плесень». — Привет!

Сашка Бондарева, соседка, в детстве они частенько гоняли вместе на великах или ходили на речку. Но Сашка как-то быстро выросла, и уже в классе седьмом догонялки и велики стали ей не так интересны, как взрослые ребята, выпивка и сигарета за заброшенными сараями, — и дружба закончилась вместе с детством. В девятом классе чуть ли не каждый Ленькин одноклассник похвалялся, что переспал с Бондаревой. У Леньки от таких откровений горели уши, но еще обидней было за Сашу. Хоть они и не дружили больше, но она продолжала улыбаться ему, всегда здоровалась и спрашивала, как дела. «Совместное купание в огородной бочке роднит», — думал Ленька, но все равно старался поменьше попадаться ей на глаза. Подмоченная репутация заразная, точно грибок.

— Чего скучаешь? Айда с нами на станцию, клуб в двенадцать закроют уже!

«Станцией» называли полузаброшенный железнодорожный вокзал, где собиралась Сашкина компания.

— Да не, другие планы.

— Майку, что ль, ждешь?

Майка и Плетень, замечательная парочка.

— Майю, да, — нажав на имя подруги как на клаксон, ответил Ленька.

— Так она уехала вроде?

Музыка долбила так, что приходилось кричать друг другу в уши. Леня подумал, что ослышался.

— Чего?

— Уехала она! Мы ее встретили у мотеля, шла к объездной! В город, наверное, покатила, к бабке своей.

Пару секунд Ленька переваривал информацию, чувствуя, как холодеет нутро. Потом грязно выругался, сунул Сашке бутылку с самогонным коктейлем и бросился из клуба, расталкивая плечами всех, кто стоял на пути.

— Крышак поехал на этой Майе, что ли, — пробормотала Саша и приложила к бутылке.

* * *

«Дура, дура, дура...» — билось у Леньки в мыслях, пока он бежал по деревне. «План провалился, план провалился...» — нашептывала дорога под ногами.

Она все перепутала.

Договор был такой: после праздника, пока взрослая часть деревни сидит в столовке на банкете, а другая — отсыпается перед дискотекой, они с Майей по отдельности, чтобы не спалиться, прячут рюкзаки в трубе у объездной дороги. Вечером на дискотеке дружно светят фейсом, ни у кого не вызывая подозрений, а потом тихонько сваливают — в одиннадцать вечера, как раз к последнему автобусу на Арслан. Автобус ехал из Кумера и тормозил у мотеля, официально обозначавшего единственную юмаковскую остановку. Так что неудивительно, что Саша,

встретив Майю в переулке у мотеля, подумала, что та «уезжает». Майя, видимо, забыла, что они договорились помелькать в клубе, а потом уже сбежать. Сбежать вдвоем, навсегда из этого захолустья. Сначала в Арслан, а дальше... а дальше — огни большого города и сплошные мечты! Родные спохватятся не раньше завтрашнего утра, думая, что они загулялись — для лета это норма, уже не раз они торчали на реке с другими ребятами до самого рассвета. А тут тем более — праздник. Ну а к утру их уже и след простынет. Ищи-свищи. В общем-то, еще не все потеряно, если Майя ждет его там, у мотеля.

Когда Ленька подбегал к перекрестку, где тоненькая ниточка юмаковского проулка вливалась в черную гудящую жилу федеральной трассы, ему показалось, что у самой дороги мелькнул девичий силуэт, и он даже будто разглядел красное платье, в котором Майя была сегодня на празднике. Но подойдя ближе, Ленька признал, что ему померещилось. Изредка пролетали машины, у мотеля стояла пара грузовиков, на летней террасе за пластиковым столиком курили дальнбойщики. В остальном было тихо. Мотель — длинный узкий домина с десятком номеров, серый червь, присосавшийся к двухэтажному строению, где располагались кафе с караоке, сауна, продуктовый магазин и собственно офис, — молчаливо тонул в летних сумерках. Ленька, стараясь держаться тени, прошмыгнул к самой трассе, которая теперь гудела над правым ухом, и пошел вдоль высокой насыпи. Огромная, в человеческий рост, труба пронзала дорогу насквозь и могла бы даже служить пешеходным переходом, если бы на той стороне дороги было хоть что-то интересное.

Рюкзак, который он припрятал тут днем, лежал на месте. И ничего не говорило о том, что Майя приходила сюда.

* * *

Дискотека и впрямь окончилась в двенадцать. Когда врубили свет и завклубом призвала всех расходиться по домам, девчонки недовольно загалдели.

— Мы же пойдем на речку? — спросила Неля, считавшаяся лучшей подругой и первой фрейлиной в свите «королевы».

В последнее время Таня все чаще проводила вечера в другой компании, с кем именно — Нелька только догадывалась, сама же Таня загадочно улыбалась и пожимала плечами. Как будто своих пацанов не хватает, ей-богу! Нелька злилась и вымещала злость на окружающих — тех, кто не мог ей ответить. На Майе Дьячковой, например. Утром в школе, где их собрали перед отправкой на праздник, узнав, что Таня накануне опять путалась с таинственным ухажером, Нелька не отказала себе в удовольствии отпустить пару колких шуточек в адрес Майи, унизив ее перед всей компанией. Сиротинка несчастная. И что Плетень в ней нашел?

— Да, но мне надо переодеться, — ответила Таня, оглядывая свой пышный сарафан. — В этом на речке неудобно, да и порвать боюсь. Мне же его еще возвращать в музыкалку.

Наряд Тане одолжил местный ансамбль народных танцев.

Для переодевания придется идти в школу, так как собирали Таню там, в кабинете русского языка. На-

ряжали, завивали, красили, укрепляли венки и так далее. Благо школа располагалась напротив клуба.

Выбравшись из ДК, Нелька подметила, что практически все, кто был на танцах, идут за клуб и в переулок — в сторону речки.

— Девчонки, дуйте на наше место, а то столько народу прется, потом не найдем, где присесть. Займите наши бревна и никого не пускайте. Костер пока разведите, мы скоро придем. Только, чур, без нас не начинайте!

Аленке Богдановой, конечно, удалось слить целый литр самогонки из родительских запасов, но Нелька все равно переживала, что не хватит. А выпить хотелось до смерти. Вечер только начинается.

Девчонки, привыкшие подчиняться Нелькиным командам, влились в толпу и вскоре растворились в темноте. Центр внезапно опустел, последние стайки молодежи растекались во всех направлениях: к реке, к станции, к мотелю — старшие, у которых водились денюжки на кафе, или же по домам — младшие, у которых «горшок свистел».

— Идем?

Взявшись за руки, подружки перебежали через дорогу и, скрипнув калиткой, вошли в школьный двор. Непривычный, темный, таинственный, с шепчущими акациями и запахом ночной фиалки, который пьянил и дурманил голову. На первом этаже горел свет, второй и третий — тонули во мраке, два больших окна освещали крыльцо с четырьмя колоннами, выкрашенными в зеленый цвет, между которыми стояла пятая — такая же толстая, но пониже — сторожиха баба Ляля.

— Чего шастаем тут?

— Это я, Таня Япрынцева. В класс — переодеться.

— Дык раньше надо было, закрыта школа, никого нет. Как я тебя пушу? Или с тобой таскаться, следить, чтоб ты ничего не сперла? А мне потом отвечай!

— Да ничего она не сопрет, что несете! — огрызнулась Нелька. — Быстро переоденется и выйдет.

— Мне буквально на пять минуточек!

Возмущенно посопев, баба Ляля махнула рукой:

— Идем уж, так и быть. Но только на пять минут! А ты куда собралась? Тут подождешь!

Нелька уже хотела закатить скандал, но Таня предупреждающе взяла ее за руку:

— Да ладно, чего время на ругачку тратить! Что я, сама не переоденусь, что ли?

И они со сторожихой скрылись за дверями школы. Не успев придумать самую страшную месть для вредной бабки, Нелька отвлеклась на мобильник. Звонила старшая сестра.

— Мама с отцом дома.

— Да ладно? Уже?

Надежды на веселые посиделки у реки рухнули в один миг. Родители не отличались особой строгостью, но насчет Дня земли у мамы пунктик, объяснения которому Нелька найти не могла: сиди дома — и все тут. Она-то рассчитывала, что родаки побудут на банкете значительно дольше!

— Вроде собираются к соседям, продолжать праздновать. Приди, отметься, потом сможешь свалить втихаря, — сказала сестра.

Неля слишком обрадовалась неожиданному совету, прежде чем понять, что получать такие преступ-